

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ 1986

Сборник статей

Ответственный редактор
Л. С. ЧИКОЛИНИ

Москва
«НАУКА»
1986

В сборник включены статьи по актуальным проблемам истории социалистической мысли — от эпохи Возрождения и Реформации до второй половины XIX в. В них показано значение трудов Ф. Энгельса для развития марксистской историографии общественной мысли, а также многообразие социалистических исканий в Западной Европе и России. Большой раздел составляют статьи, написанные к 450-летию со дня кончины Т. Мора, в которых рассматриваются малоизученные вопросы его творчества

Редакционная коллегия:

Л. С. ЧИКОЛИНИ (ответственный редактор),
В. М. ВОЛОДАРСКИЙ (ответственный секретарь),
Л. Н. ГОЛЬМАН, Н. Ю. КОЛШИНСКИЙ, В. А. МАЛИНИН,
Т. А. ПАВЛОВА, Н. Б. ТЕР-АКОПЯН, А. Э. ШТЕКЛИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

	СТАТЬИ
Н. Б. Тер-Акопян	К истории термина и понятия «первобытный коммунизм» 3
Л. С. Чиколини	Социальная утопия как явление общественной мысли в переходную от феодализма к капитализму эпоху 26
Н. Г. Федоровский	К вопросу о классовой сущности лассальянства 49
Г. И. Романов	Социалистические искания В. А. Милютина 74
К. М. Андерсон	Оуэнисты и Ирландия 96
Т. А. Павлова	Рантеры и Уинстэнли 113
В. М. Володарский	Утопия Ганса Гергота 134
В. Д. Балакин	Общественное воспитание в социальной утопии Андреэ 154
А. Э. Штекли	«Досуг во Фландрии» и создание «Утопии» (К критике господствующей текстологической концепции) 174
О. Ф. Кудрявцев	Ренессансная апология наслаждения (К прочтению некоторых мест «Утопии» Томаса Мора) 197
	ИСТОРИОГРАФИЯ
В. Н. Ильин	О средневековом «социализме» (К критике концепции К. Каутского) 229
Т. Н. Самсонова	Об изучении «Утопии» Томаса Мора в новейшей буржуазной историографии 251
	ПУБЛИКАЦИИ
М. К. Трофимова	Утопия Евгемера Вступ. ст., публ. и пер. с древнегреч. 266
А. Э. Штекли	Вильгельм Циммерман о движении Ганса Бёхайма Введение и пер. с нем. 282

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

К истории термина и понятия «первобытный коммунизм»

Термин «первобытный коммунизм» вошел в советскую историческую науку еще в период ее становления. Она опиралась при этом на такие произведения, как «Капитал» К. Маркса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, «О государстве» В. И. Ленина и ряд других, где этот термин или близкие к нему выражения применяются для характеристики общественных отношений древнейшей формации. Однако в последние десятилетия термин «первобытный коммунизм» встречается в нашей литературе гораздо реже. Его приводят обычно в контексте, непосредственно связанном с освещением взглядов основоположников марксизма-ленинизма. В иных же случаях отношения в первобытном обществе характеризуются как коллективистские или, в зависимости от стадии развития его основной единицы — общины, как «родовые», «соседские» и т. п. Этот процесс постепенного вытеснения термина «первобытный коммунизм» и замены его более конкретными обозначениями начался с середины 30-х годов, когда в ходе дискуссий о стадильности и периодизации всемирно-исторического процесса первая общественно-экономическая формация была признана первобытнообщинной.

Для такого вывода имелись достаточно веские причины. Именно община была носителем основных отношений первобытного общества и тем первичным коллективом, который составлял базис всех более крупных объединений. К тому же далеко не на всем протяжении первобытной эпохи, самой продолжительной в жизни человека, общественные отношения могут быть определены как коммунистические. Нецелесообразно, например, характеризовать таким образом только еще формирующиеся отношения в эпоху пра-общины, или первобытного человеческого стада. Нельзя также определить как «первобытнокоммунистическое» общество предклассовой эпохи, когда разложение общин и имущественное расслоение в среде общинников зашло достаточно далеко.

Но против применения термина «первобытный коммунизм» выдвигались не столько эти вполне основательные соображения, которые появились в результате развития науки о первобытном обще-

стве и выражали необходимость более конкретного определения различных его сторон и этапов, сколько аргументы, далеко не бесспорные и порой просто неверные. Они нашли, в частности, отражение в статье «Первобытный коммунизм» во втором издании Большой Советской Энциклопедии. «Понятие первобытного коммунизма, — говорится здесь, — является ненаучным, так как оно приводит к отождествлению двух совершенно различных исторических ступеней развития человеческого общества, первобытнообщинного строя и коммунизма»¹. Между тем это «ненаучное» понятие, как известно, имело, помимо всего прочего, серьезное мировоззренческое значение. Как справедливо отмечают видные советские ученые в коллективном труде «История первобытного общества», данные о том, что «классовому обществу предшествовало доклассовое, первобытнокоммунистическое общество», дали «основоположникам научного коммунизма дополнительные аргументы в пользу положения о неизбежности смены классового, капиталистического общества бесклассовым, коммунистическим»².

Но точка зрения, высказанная выше, относится к самому последнему времени. В 60-е — начале 80-х годов термин «первобытный коммунизм» исчез как заглавное слово из большинства советских справочных изданий, далеко не везде давался он и в качестве отсылочного, в отдельных случаях он фигурирует в кавычках³.

Итак, при общем совпадении взглядов на первобытную историю как эпоху господства первобытнообщинного строя в советской науке сложились две точки зрения на понятие «первобытный коммунизм». Согласно одной, между этим понятием и понятием «коммунизм» нет связи по содержанию. Более того, они противоположны, поскольку одно из них обозначает низшую, самую примитивную ступень развития общества, а другое — высшую, постоянно развивающуюся формацию. Связь, таким образом, носит чисто формальный терминологический характер. Поэтому для пользы дела надо отказаться и от термина «первобытный коммунизм».

Согласно другой точке зрения, между обоими понятиями существует содержательная и генетическая связь. Причем исторические данные о первобытном коммунизме вошли в обоснование теории научного коммунизма. Какая же из этих точек зрения правильнее? Какая из них ближе к истине?

Относительно первой точки зрения можно, не вдаваясь в подробности, сказать, что ее сторонники, видимо, игнорируют важную закономерность, действительную как для природы, так и для обществ-

ва. Во всемирно-историческом развитии человечества как определенной целостности общественные формации составляют восходящие ступени, или стадии. При этом низшая ступень содержит в зародышевой форме намеки на будущее, которые необязательно проявляются на непосредственно следующей за ней ступени. Их реализация спустя ряд ступеней, на более высоких витках спирали развития, выглядит в известной мере как повторение, как возрождение нижней формы, прошедшей ряд метаморфоз. Само собой разумеется, что подобное «возрождение» происходит на принципиально новой основе.

Что касается другой точки зрения, то она требует некоторых пояснений. Без сомнения, ее сторонники справедливо указывают на то, что первобытная история дала дополнительные аргументы для обоснования необходимости коммунизма. Но при этом возникает иллюзия, будто теоретические представления о коммунизме возникли еще до появления коммунистических идей в собственном смысле слова. Между тем дело обстояло сложнее. На утопической стадии развития коммунистической идеологии отдельные авторы действительно обращались к известным в истории и в этнографии фактам о наличии общности имущества и некоторых других коммунистических черт у древних и современных первобытных народов для подтверждения правильности своих взглядов. Но это было именно на донаучной стадии развития социалистических и коммунистических идей. Не существовало тогда еще и науки о первобытном обществе. Не существовало также и терминов «коммунизм» и «первобытный коммунизм». Первый из этих терминов возник с началом коммунистического рабочего движения. Что касается второго, то уже из его составного характера следует, что он мог возникнуть лишь на основе первого, а следовательно — после него. Из всего этого может быть сделан вывод, что основание и обоснованное на стадии научного коммунизма меняются местами. Не данные о первобытной истории стали основанием для теории научного коммунизма, а, напротив, сама эта теория позволила развить научный подход к исследованию первобытного общества. И уже на этой основе, в порядке обратной связи, возникли дополнительные аргументы, подтверждающие правильность коммунистических идей⁴.

Исторически возникающие термины не стоят в безразличном отношении к обозначаемым ими понятиям, но история термина и история понятия обычно не во всем совпадают. Целесообразно поэтому предварительно кратко изложить здесь сведения по истории терминов «коммунизм» и «первобытный коммунизм», прежде чем рассматривать соотношение самих понятий.

Этимологически слова «коммунизм» и «коммунист» восходят к латинским: *communis* (общий), *commune* (общее имущество, общая собственность), *communia* (неразделенная часть земель, общие уго-

¹ БСЭ. 2-е изд. М., 1955, т. 32, с. 360.

² История первобытного общества: Общие вопросы. Проблемы антропогенеза. М., 1983, с. 3, 4.

³ Советская историческая энциклопедия, 1967, т. 10, с. 1012; Философская энциклопедия, 1967, т. 4, с. 236; БСЭ. 3-е изд., 1975, т. 19; Предметный указатель ко второму изданию Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1978, ч. I, с. 363; Экономическая энциклопедия: Политическая экономия, 1979, т. 3, с. 215; Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1980; Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

⁴ См.: Тер-Акопян Н. Б. Подход Маркса и Энгельса к истории первобытного общества и некоторые вопросы теории Моргана. — Сов. этнография, 1980, № 5.

дия; также — общественная жизнь)⁵. Эти термины фигурировали у римских авторов, например у Юлия Цезаря в его «Записках о галльской войне» (кн. 6, гл. 21, 22) при описании общинного строя и общности имущества у древних германцев. От этих латинских слов ведут свое происхождение английские: *common* (общественная земля и право на нее общинника), *community* (община); французские: *commune* (община, коммуна), *communauté* (общность, коллектив), *communaute* (общинный), а также слова того же корня в некоторых других языках.

Выше приведены, разумеется, далеко не все слова, образованные от этого корня, не все значения воспроизведенных слов, а лишь их основные исторические первоначальные значения. Нетрудно заметить, что все они связаны с общиной, общинной формой общей собственности и, таким образом, относятся к первобытному строю, т. е. к первобытному коммунизму. Нетрудно также заметить, что от термина «коммунизм» их отличает всего лишь суффикс «изм». Но для того, чтобы этот абстрагирующий и обобщающий суффикс был прибавлен к корню, понадобилось два тысячелетия. Случилось это не раньше, чем возникло само коммунистическое движение. Это новое явление несло в себе и принципы общинного коммунизма, но вместе с тем оно в такой же степени отличалось от него, в какой современное общество отличается от узкого мира общины.

Формальный терминологический подход дает возможность указать сходные черты различных исторических ступеней развития, но он может также породить иллюзию совпадения и тождества этих ступеней. Задача, естественно, состоит в том, чтобы вычлнить в существо сравнимых стадий. Но если при этом пренебрегать специальным исследованием истории термина, то часто возникает заблуждение иного порядка, будто бы термин и обозначаемое им явление появились одновременно. Такого рода неточности встречаются и в работах по истории социалистических идей. Так, из некоторых статей академика В. П. Волгина следует, что не только идея коммунизма, но и термин «коммунизм» встречается уже у Бабёфа⁶. Между тем ни в тексте речи Бабёфа, на которую ссылается автор, ни в каких-либо других его произведениях нет термина «коммунизм»⁷. Нет этого термина и в знаменитой книге соратника Бабёфа

Буонаротти, оказавшей столь заметное влияние на рабочее движение 30—40-х годов прошлого века⁸.

Большинство источников относят возникновение термина «коммунизм» ко второй половине 30-х годов. Ганс Мюллер, автор самой полной работы по истории термина «социализм», дал в специальном ее разделе обзор данных о «конкурирующем гнезде слов *commun*»⁹. Он рассматривает историю термина «коммунизм» в тесной связи с развитием самого коммунистического движения и соответственно идеи коммунизма. Первоначально участники движения, члены тайных рабочих кружков, во Франции в 30-е годы прошлого века именовались «бабувистами», а само идейное течение — «бабувизмом» — от имени Гракха Бабёфа. Лишь позднее по характеру требования, выдвигавшегося ими на первый план, — требования общей собственности — их стали называть различными словами, образованными от корня *commun* (общий). Можно считать установленным, что в 1840 г. в этом потоке словотворчества побеждают термины «коммунист» и «коммунизм», которые затем получают всемирное распространение¹⁰.

Итак, термин «коммунизм» появился в 1840 г. и чрезвычайно быстро распространился в ведущих западноевропейских странах. Это было неудивительно в обстановке расущей революционной активности пролетариата. Господствующие классы страшились нового коммунистического движения масс. Их восприятие, пожалуй, откровеннее всех выразил немецкий публицист и агент прусского правительства Лоренц Штейн. Он писал в 1842 г. о «мрачном угрожающем призраке «коммунизма», в чью действительность никто не хочет верить и чье существование тем не менее каждый признает и страшится его»¹¹. Возможно, именно популярная в Германии книга Штейна побудила Маркса и Энгельса начать «Манифест Коммунистической партии» словами: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». (Болтовне о призраке Маркс и Энгельс противопоставили изложение взглядов, целей и стремлений коммунистов.)¹²

Коммунистическое движение и коммунистические идеи развива-

⁵ Дворецкий П. X. Латинско-русский словарь, 2-е изд. М., 1976, с. 213; Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. G. Wissowa. Stuttgart 1905. Bd. 4, S. 776, 777.

⁶ Volguine V. P. Introduction. — In: Morelly. Code de la Nature. P., 1970, p. 7 («En 1796, Babeuf, dans son plaidoyer, se référa à Diderot comme à l'auteur du Code, l'appelant „le maître du communisme“»). Аналогичные утверждения приводятся и в кн.: Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1977, с. 272. «В 1796 г. на судебном процессе участников коммунистической организации, подготовившей так называемый „заговор равных“, Бабёф в своей защитной речи ссылался на Дидро, как на автора „Кодекса природы“ и „учителя коммунизма“. В отличие от французского текста в русском тексте слова «учитель коммунизма» даны без кавычек Ср. также: с. 111, 115, 359—360.

⁷ Высказывания Бабёфа о Дидро в его «общей защитительной речи перед верховным судом в Вандоме» в 1796 г. см.: Бабёф Гр. Соч. М., 1982, т. 4, с. 357—

363. Отметим, однако, что в 1793 г. Бабёф собирался организовать «Club des égaux et communautistes». См.: Там же, с. 7. «Коммюнист» — сторонник общности имущества (*communauté des biens*) — течения, широко распространившегося во времена Великой французской революции. См.: Багатурян Г. А. Контуры грядущего: Энгельс о коммунистическом обществе. М., 1972, с. 17.

⁸ Буонаротти Ф. Заговор во имя равенства. М., 1963, т. 2, с. 7—67.
⁹ Muller H. Ursprung und Geschichte des Wortes Sozialismus. Hannover, 1967, S. 107—111.

¹⁰ Согласно неподтвержденной версии, термин «коммунизм» появился еще в середине 30-х годов XIX в. в произведениях христианского социалиста Ф. Ламенне. Более вероятно, что термин был впервые употреблен английским социалистом Дж. Г. Барбни в 1840 г. См.: Oxford English Dictionary, vol. II, p. 701. Но достоверно то, что он стал широко применяться Э. Кабе с 1840 г.

¹¹ Stein L. Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. Leipzig, 1842, S. 4.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 423.

лись, и одним из внешних признаков этого процесса было появление в самое разное время различных составных терминов, характеризовавших отдельные стороны развития движения или группы, в нем участвовавшие, стадии развития идей и т. д. (ср.: коммунизм икарийский, коммунизм аграрный, коммунизм утопический). Среди этих новых терминов был также и термин «первобытный коммунизм». Остается установить, когда он возник и кто является его автором.

Как уже говорилось, этого термина не было у представителей домарксистского социализма и коммунизма, хотя некоторые из них и обращались к древней истории человечества или приводили примеры из жизни «дикарей» для доказательства справедливости своих взглядов. Но термин «первобытный коммунизм» вполне мог возникнуть после 1840 г. в среде социалистических школ, существовавших параллельно с марксизмом, но оставшихся на почве утопизма. Правда, утопизма особого рода (с конкретной классовой подоплекой, чаще всего мелкобуржуазной), пытавшегося приспособить коммунистическое движение к своим интересам. У авторов этого направления встречаются примеры из истории первобытных обществ, но обнаружив в их произведениях термин «первобытный коммунизм» не удалось.

Интересующий нас термин мог возникнуть и в другой сфере — в сфере конкретной науки о первобытной истории. В 40–70-е годы прошлого века эта наука только складывалась. Хотя различные ее составные части еще не слились, все эти научные дисциплины и теории испытали на себе значительное влияние эволюционистской мысли, а это, кроме всего прочего, означало близость к историзму, признание магистральной линии и стадийности развития и, следовательно, потенциальную возможность выделения первобытной истории как особой стадии в развитии человечества. И такое вычленение действительно имело место. Выдающуюся роль сыграл в этом американский ученый Л. Г. Морган, чей труд «Древнее общество» знаменовал завершение процесса формирования новой науки о первобытном обществе.

В этой замечательной книге автор характеризует как «коммунистические» определенные отношения в первобытном обществе, но сочетание «первобытный коммунизм» в книге не встречается. Поскольку вся книга посвящена древнейшей эпохе, отсутствие определения «первобытный», казалось бы, не имеет существенного значения. Однако отсутствие этого термина уже само по себе говорит о недостаточности концепции Моргана, о ее незавершенности.

Для того чтобы убедиться в этом, посмотрим, в каких случаях Морган применял термин «коммунизм». Их немного, все они относятся к характеристике быта и хозяйствования семейных общин. Он отмечал, что парные семьи североамериканских индейцев жили в общих домах и «вели хозяйство на коммунистических началах» (practiced communism within the household), он связывал «коммунистические начала в быту» (communism in living) с групповыми формами брака, сохранившимися у ряда народов, и считал эти «начала»

необходимым условием их существования. Морган писал, что такие «коммунистические начала в быту», также обусловленные формой семьи, находил Цезарь у древних германцев¹³. Но когда дело касалось общей характеристики родового строя и его эпохи, Морган пользовался выражениями, восходящими к Великой французской революции: «свобода, равенство и братство»¹⁴.

Применение Морганом термина «коммунизм» по отношению к семейным институтам родового строя было, конечно, смелым новаторским шагом в науке. Морган, очевидно, вкладывал в него то содержание, те уже широко распространявшиеся в 70-е годы представления о коммунизме как справедливом строе жизни, которые касались в основном сферы распределения, потребления и быта. При этом главной его заслугой было не открытие коммунистического характера этих отношений, а открытие самого института рода, тех внутренних связей первобытного общества, естественно сложившегося коллектива, структура которого до Моргана оставалась белым пятном на карте истории. Этот момент не раз подчеркивали в своих работах Маркс, Энгельс и Ленин. В то же время отсутствие у Моргана определения «первобытный» свидетельствует о недостатке историзма в подходе к такому явлению, как коммунизм. Если Морган уловил сходство принципов социальных отношений древнейшего и будущего общества, он, очевидно, несколько недооценил различие между ними, порожденное историческим развитием.

Итак, Морган не вводит термин «первобытный коммунизм», хотя и описывает и анализирует само явление. Понятие и термин «коммунизм» он применяет ограниченно — только к некоторым отношениям в первобытном обществе.

Выступление Моргана относится к 1877 г. Когда же все-таки возник термин «первобытный коммунизм»? Известно, что в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс уже добавляет определение «первобытный». Энгельс пишет, например, о «первобытном коммунистическом общем домашнем хозяйстве», и, хотя в ряде случаев он оперирует просто определением «коммунистический», это не может изменить того факта, что новый и более точный термин уже существует¹⁵. Первое издание «Происхождение семьи, частной собственности и государства» вышло в 1884 г. Поскольку именно в этой работе содержится систематическое изложение взглядов основоположников научного коммунизма на историю первобытного общества, то распространилось мнение, что именно здесь Энгельс после ознакомления с трудами Моргана впервые ввел термин «первобытный коммунизм» или, точнее, в форме прилагательного — «первобытный коммунистический».

¹³ Morgan L. H. Ancient Society. Cambridge (Mass.), 1964. p. 337, 351, 383, 306. Выражение «communism in living» иногда переводят как «коммунистический образ жизни», однако такое расширительное толкование неточно по смыслу оригинала и не соответствует контексту.

¹⁴ Ibid., p. 467.

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 53, 98, 139, 159.

Однако ознакомление с более ранними работами Маркса и Энгельса показывает, что термин «первобытный коммунизм» возник гораздо раньше. Его первое упоминание, насколько удалось установить, встречается в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» К. Маркса, известных также как первоначальный вариант «Капитала». Маркс вводит этот термин в одном из набросков, относящихся к 1858 г. Приведем термин в контексте, поскольку это важно для понимания смысла, который Маркс вкладывал в него. «Общинную собственность,— писал Маркс,— недавно вновь открыли как некий... славянский курьез. На деле же Индия дает нам образцы разнообразнейших форм подобных экономических общин, более или менее разложившихся, однако еще вполне распознаваемых; а более основательное историческое исследование обнаруживает эту общину как исходный пункт у всех культурных народов. Система производства, основанная на частном обмене, первоначально есть историческое разложение этого *первобытного коммунизма* (курсив наш.— Авт.). Однако целый ряд экономических систем, в свою очередь, занимает промежуточное положение между современным миром, где меновая стоимость господствует над производством во всю ширь и глубину, и такими общественными формациями, основу которых составляет общинная собственность...»¹⁶.

Следует отметить, что в статьях Маркса о британском господстве в Индии и в его переписке с Энгельсом в конце мая — начале июня 1853 г., когда они впервые занялись проблемой индийской общины, термина «первобытный коммунизм» еще не было¹⁷. Но после 1858 г. Маркс оперировал этим термином в томах «Капитала». Отсюда следует, что термин появился именно при разработке Марксом проблем политической экономии. А контекст приведенного выше отрывка показывает, что термин был связан с наиболее общими вопросами политической экономии и периодизации всемирной истории. Ведь именно в данном отрывке Маркс впервые в экономическом тексте употребляет другой термин, обозначающий важнейшее понятие «формация», определение которого он вскоре дал в известном Предисловии к работе «К критике политической экономии»¹⁸.

Итак, с большой степенью достоверности можно утверждать, что термин «первобытный коммунизм» введен К. Марксом. Введен в 1858 г., спустя 18 лет после появления термина «коммунизм». Можно также утверждать, что эти термин и понятие возникли в ходе разработки системы категорий политической экономии Маркса и являются ее составной частью.

История термина «первобытный коммунизм» — своеобразный индикатор истории самого понятия, самой идеи. Но развитие понятия, конечно, не совпадает с историей термина и требует специального рассмотрения. Следует, однако, напомнить, что за обоими этими явлениями стоит действительное развитие материального

мира, в данном случае — развитие общества. И хотя последний вопрос не является предметом настоящей статьи, логика исследования уже заставила нас к нему обратиться. За понятием и термином «первобытный коммунизм» стояли открытые Марксом экономические отношения внутри общины и, по выражению Ленина, «первобытный родовой коммунизм»¹⁹, открытый Морганом. А за понятием «коммунизм» стояло уже начавшееся движение пролетариата.

Но связь понятий и идей с их материальной основой, как известно, очень сложна. Подчас она многократно опосредована историческим процессом, так что теряются следы этой связи и она обнаруживается лишь при крутых поворотах истории и «взрывах» научной мысли. По поводу одного такого абстрактного понятия, имеющего, впрочем, прямое отношение к нашей проблеме, Маркс писал в письме к Энгельсу: «Но что сказал бы старик Гегель, если бы узнал на том свете, что *общее* [Allgemeine] означает у германцев и скандинавских народов не что иное, как общинную землю, а *частное* [Sundre, Besondre]²⁰ — не что иное, как выделывшуюся из этой общинной земли частную собственность [Sondereigen]. Проклятие! Выходит, что логические категории все же прямо вытекают из «наших отношений» [aus «unsrem Verkehr»]²¹».

Маркс сводит абстракции гегелевской логики к их земной основе, указывая путь к познанию исторического развития общества. К познанию как его материальных движущих сил, так и отражения противоречий их развития в борьбе идей. На протяжении всей истории классовых формаций шла борьба общей собственности против частной собственности. На одном полюсе разделенного общества стояли народные массы, на другом — эксплуататорские классы. Понятия классового общества вообще и классовой борьбы вообще — это абстракции. Следуя Марксу, их можно было бы назвать «разумными абстракциями»²². В каждой формации их конкретное историческое содержание иное, а их идейное отражение еще более многообразно. Оно охватывает всю гамму различий и противоречий данной эпохи, изменяясь и принимая новые формы в каждой новой ее фазе. Но этим не исчерпывается идейное содержание борьбы. Идеология как бы раздвигает границы своей эпохи, она обращается к понятиям и идеям прошлых эпох, вплоть до истоков человечества, приспособляя их к своим потребностям. Но она также обращается к будущему, создавая многообразные модели, в которых отражаются интересы различных восходящих классов и слоев общества. В то время как идеология класса, непосредственно идущего к вла-

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 36. В работе «О государстве» Ленин применяет термин «первобытный коммунизм». См.: Там же, т. 39, с. 68. Между тем в Справочном томе к изданию термин отсутствует.

²⁰ В данном случае предположительнее перевод: «особенное».

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 45.

²² Маркс писал во Введении в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.»: «Производство вообще — это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 21).

сти, выражается в конкретных сочинениях и конкретных программах, идеи и идеалы других слоев лишь отчасти содержатся в их конкретных насущных требованиях. В большей степени они находят отражение в философских концепциях или социальных утопиях.

В ходе эволюции представлений об истоках человеческого общества, о его древнейших стадиях появилась концепция первобытного коммунизма, а утопические представления о будущем идеальном обществе сменились прогнозом будущего коммунистического общества. Завершение перехода к новым представлениям было зафиксировано, как автор попытался показать выше, появлением соответствующих терминов.

Следует, однако, уточнить, когда и каким образом сложилось само понятие о первобытном коммунизме, и выяснить его взаимосвязь с понятием «коммунизм». Если сформулировать вопрос более конкретно, то необходимо установить, в какой мере и каким образом представления о древнейшей истории человека, а также их идеализация влияли на возникновение коммунистического идеала. И каким образом сложившаяся теория коммунизма повлияла на научное понимание первобытной истории.

В этом исследовании мы должны будем опираться на современную концепцию первобытной истории, основы которой были созданы Марксом и Энгельсом, равно как и на современное учение о научном коммунизме. Обосновывая необходимость такого методологического подхода к исследованию, Маркс писал, что «намеки» на более высокую ступень развития «могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно»²³. Таким образом, развитая концепция сама дает ключ к пониманию предшествующих ступеней.

Изучая историю европейской мысли нового времени, мы часто сталкиваемся с тем, что истоки тех или иных понятий и идей восходят к античности. Поэтому и в данном случае обратимся к античности.

На первый взгляд может показаться, что представление о первобытном коммунизме восходит к легенде о Золотом веке. Но на самом деле идеализация прошлого, изображение жизни древнейших людей как полного изобилия и беззаботного существования, не имеет отношения к научному представлению о первобытном коммунизме. Последнее предполагает как общую собственность, так и социальное устройство, гарантирующее равнообеспечивающее распределение общего продукта между членами первобытного коллектива. Никакого изобилия древнейший мир не знал. Коммунистический строй был необходим для сохранения самого существования первобытного общества. «Что первобытный человек получал необходимое, как свободный подарок природы, — писал В. И. Ленин, — это глупая побасенка... Никакого золотого века позади нас не было, и первобыт-

ный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»²⁴.

К античности относится, однако, не только легенда о Золотом веке, к ней восходят многие представления, понятия и концепции, которые действительно стали прямыми или косвенными предпосылками к возникновению теории первобытного коммунизма. К античности восходят первые сведения о матриархате и матрилинейном родстве у некоторых народов Малой Азии (Геродот) и первая социальная утопия (Платон). Античные мыслители поставили вопрос о соотношении естественного и социального начала в происхождении общества и государства (Аристотель). Они предвосхитили концепцию происхождения человека из животного мира и выдвинули периодизацию древнейшей истории человечества (Лукреций). Античным авторам принадлежит первое описание общинного коммунизма (Цезарь). Наконец, в античности возникает и представление о «добром дикаре» (Тацит)²⁵. Не легенда о Золотом веке, а именно медный и железный века, точнее, эпохи производства, которые различал Лукреций, являются первым шагом в развитии науки о первобытном обществе.

Достижения античной мысли послужили в новое время отправными точками в развитии представлений о первобытном обществе. В чистом виде таким развитием мыслительного материала, унаследованного от античности, было создание И. Я. Бахофеном концепции матриархата, которая стала одним из компонентов теории первобытного коммунизма в ее первоначальном виде²⁶. Но это пример достаточно поздний, относящийся к периоду, когда уже непосредственно складывалась наука о первобытном обществе.

Обычно указания античных авторов привлекали внимание ученых нового времени тогда, когда сами они сталкивались с аналогичными явлениями в действительности. При этом отдельные открытия далеко не сразу становились достоянием науки. Для этого требовалась иногда более зрелая ступень развития той общественной среды, к которой принадлежали сами ученые. Когда французский иезуит миссионер Ж. Ф. Лафито опубликовал в 1724 г. свою книгу «Об обычаях диких американцев в сравнении с обычаями начальных времен»²⁷, в которой среди прочего впервые описал институт рода у ирокезов, сопоставив его с аналогичными институтами античности, работа оставалась незамеченной. На социальный строй индейцев обратили внимание только в следующем столетии, после открытий американского ученого Л. Г. Моргана. Описав родовой строй индейцев в монографии «Лига ирокезов» (1851)²⁸, Морган лишь

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 103.

²⁵ Токарев С. А. Истоки этнографической науки. М., 1978, с. 41, 92. Но, видимо, в новое время представление о «добром дикаре» зародилось независимо от античного наследия.

²⁶ Bachofen J J Das Mutterrecht. Stuttgart, 1861; см.: Энгельс Ф. К истории первобытной семьи. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 215—218; см. также: Косвен М. О. Матриархат. М., 1948.

²⁷ Lafiteau. Moeurs des sauvages americains, comparees aux moeurs des premiers temps P, 1724. Т. 1—2

²⁸ Morgan L. H. League of the Ho-de-no-sau-nee, Iroquois. Rochester, 1851.

²³ Там же, с. 42.

значительно позднее осознал значение своих исследований. Его теория первобытного общества, включавшая концепцию первобытного родового коммунизма, была изложена в 1877 г. в названном выше труде «Древнее общество». О Лафито вспомнили только после выхода в свет всех основных сочинений Моргана, в конце 80-х годов прошлого века, когда его труд представлял уже чисто исторический интерес²⁹.

До третьей четверти прошлого века, пока процесс формирования науки о первобытном обществе не принял целенаправленные формы, экскурсы в первобытную историю встречались у представителей разных гуманитарных наук, образуя как бы периферию исторического знания. В этом общем потоке можно выделить направления, которые сыграли важнейшую роль в возникновении представлений о коммунистическом строе и первобытном коммунизме. Общей предпосылкой были великие географические открытия, в особенности те, благодаря которым европейцы вступили в контакт с народами, находившимися на различных ступенях доклассовой стадии развития. Как удачно выразился современный французский ученый М. Дюше, «история прочертила линию раздела внутри пространства, до того времени однородного, как бы обрисовывая древний мир внутри него»³⁰.

Европейцам понадобилось, однако, не одно столетие, чтобы осознать *исторический* характер различия между ними самими и народами, с которыми они вступили в контакт. Для этого понадобилось не только накопить опыт контактов с «дикими» племенами и народами, обобщить и постигнуть смысл этого опыта, отраженного в великом множестве официальных донесений и отчетов, описаний путешествий, не только сопоставить сделанные отсюда выводы с литературным наследием античности. Но понадобился и опыт социального развития самой Европы, нарастания и углубления классовых противоречий, а также назревшего столкновения двух эпох в ее собственных пределах. Столетия пролегли между вытекавшим из христианской доктрины первоначальным суждением европейцев о примитивных племенах как о народах «одичавших», деградировавших вследствие отпадения от «истинной веры», и развитым мыслителями эпохи Просвещения противопоставленным «естественного состояния» человечества его общественному состоянию.

Сразу же оговоримся. В этот последний тезис в разное время вкладывалось различное содержание. Более того, даже представители французского Просвещения, сыгравшие важную роль в его разработке и применении, по-разному его понимали. Все же значение этого тезиса определяется тем, что здесь впервые в общем

виде проведено различие между двумя крупнейшими эпохами в развитии человечества — доклассовой и догосударственной и эпохой классового, «гражданского» общества. Напомним, что спустя столетие Л. Г. Морган повторил, в сущности, этот тезис, разделив древние и новые общества по форме правления соответственно на родовые и социальные, образующие общество (*societas*), и политические, образующие государство (*civitas*)³¹.

Этот тезис подразумевает также третью эпоху всемирной истории. Критика существующего общества, требование перестройки его на основе «Разума», а следовательно, с учетом «естественных законов» предполагала некую третью, будущую стадию развития человечества.

Без сомнения, разбираемый тезис сформулирован в предельно абстрактной манере. Несомненно также, что конкретные исторические условия того времени позволяли осуществить лишь буржуазную перестройку феодального общества и его абсолютистского государства. К этому и свелось, как показал Энгельс, «царство разума» построенное в соответствии с принципами просветителей³².

Так обстояло дело в реальном развитии материального мира, в развитии «социальной материи». Иное дело сами идеи и понятия. Сама абстрактная форма приведенного выше тезиса допускала принципиально иное толкование его, наполнение содержанием. До определенного момента различные толкования могли уживаться и развиваться в этой общей абстрактной форме, пока в самом развитии идей не вырисовывалась четко их классовая направленность. Именно от этого общего ствола отделились, ответвились и первые, по мнению Энгельса, коммунистические утопии Мабли и Морелли³³. Но и эта дифференциация идей не сразу стала заметной. Развитие все еще происходило в общем русле. И у Вольтера, и у Дидро, и у Руссо мы встречаем идеи, которые разделяются представителями коммунистической мысли. Хорошо известно, что Дидро никогда не отказывался от приписываемого ему «Кодекса природы» Морелли. Даже великие предтечи марксизма — Сен-Симон и Фурье — все еще выступали с тех же исходных общих позиций.

Разделение становится явным, когда идеи вновь «материализуются». В данном случае — с началом коммунистического движения. Тогда, собственно, ретроспективно устанавливается и момент или, по крайней мере, период размежевания. Но это легче сделать в отношении «царства разума» и идей утопического коммунизма, чем в отношении «естественного состояния» и понятия «первобытное общество». В этом случае «материализация» идей свелась к зарождению самой науки. Попытаемся все же разобраться в последнем.

Абстракция «естественного состояния», восходящая к ряду более конкретных понятий, складывалась постепенно в различных отраслях знания. Ей, в частности, предшествовало понятие «естествен-

²⁹ White L. A. Lewis Henry Morgan: His Life and His Researches — In: Morgan L. H. The Indian Journals, 1859—1862. Ann Arbor, 1959, p. 6, 201; см также: Тер-Акопян Н. Б. Последствие.— В кн.: Морган Л. Г. Лига ходепосауни, или прокезов. М., 1983, с. 290.

³⁰ Дюше М. Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху Просвещения: Основы антропологии у философов.— В кн.: Век просвещения. Москва; Париж, 1970, с. 259.

³¹ Morgan L. H. Ancient Society, p. 13, 14

³² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 18, 67.

³³ Там же, с. 18.

ное право», противопоставленное ранними идеологами, в частности Ж. Боденом (1576 г.), «божественному праву» монархов. Это преимущественно политическое понятие вскоре стали отождествлять с другими — с понятием «природного», или «естественного, закона», который определяет как поведение людей, так и функционирование общества. «Естественный закон» лежал в основе гражданского законодательства, морали, политики и других сфер человеческой деятельности. Носителем этого закона выступал сам человек, точнее, обособленный индивид складывающегося буржуазного общества. Природа этого индивида, «природа человека», признавалась неизменной, и его потребности, например «потребность в частной собственности», нередко проецировались и в древность.

Но сама абстракция «природа человека» до известной степени была производной от «природного человека», прообразом которого являлись «дикари». И суждения, и споры об этих «дикарях» скорее отражали борьбу идей в европейском обществе, чем реальное состояние индейских народов Америки, о которых главным образом шла речь. Возникли в конце концов и обобщенные образы «доброго дикаря» (Монтень, 1580), «злого дикаря» (Гоббс, 1651) и снова «доброго дикаря» (Руссо, 1755). Эти образы косвенно характеризовали и представления упомянутых авторов о социальном строе догосударственных обществ. Монтень, например, писал о том, что этими народами «все еще управляют законы природы, почти не извращенные нашими». Он подвергал сомнению правомерность оценок строя этих народов, исходящих из соображений превосходства европейцев. «Дикари для нас, — утверждал Монтень, — несколько не большее чудо, нежели мы сами для них... это признал бы каждый, если б только сумел, познакомившись с чужими для нас учреждениями, остановиться затем на привычных и здраво сравнить их между собой». В числе этих учреждений и обычаев сам Монтень отметил и материнский счет родства, и «вольные» с точки зрения христианской морали семейно-брачные порядки, а также наличие общности имущества и общего производства, г. е. как раз черт, присущих первобытному коммунизму. Он отмечал, что у некоторых народов «все находится в общем владении и для руководства всеми делами назначают облеченных общей властью должностных лиц, которые и несут заботу о возделывании земли и распределении взращенных ею плодов в соответствии с нуждами каждого»³⁴.

Если Монтень видел определенную форму организации в первобытном обществе, то Гоббс вообще отрицал существование догосударственного общества как такового. «Естественное состояние» выразилось в «войне всех против всех». Государство, основанное в результате общественного договора, обеспечивает безопасность индивидов и, в сущности, создает общество. Теория происхождения государства, выдвинутая Гоббсом, в каком-то смысле прямо противоположна той, которую мы находим у Энгельса в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Государство, по Гоббсу, учреждается не в интересах разбогатевшего мень-

³⁴ Монтень М. Опыты. М.; Л., 1958, кн. I, с. 142—145, 262.

шинства, а в интересах всей массы народа. Гоббс, таким образом, наиболее последовательно формулирует доктрину восходящей буржуазии. И, согласно этой доктрине, никакого более справедливого строя в древности не существовало, а «естественное состояние» было только хаотическим состоянием войны разобщенных индивидов.

Руссо в своей теории отталкивался как от Гоббса, так и от Монтеня. Согласно Руссо, в «естественном состоянии» не существует общества. Но дикари, пребывающие в этом состоянии, не «злые», а «добрые», «благородные». Эта, казалось бы, не слишком существенная разница в посылах приводила, однако, к весьма значительной разнице в выводах, освобождавшей путь для дальнейшего развития идей.

Прежде чем конкретно рассмотреть развитие представлений о первобытном коммунизме во Франции накануне революции, остановимся на значении социальных утопий XVI—XVII вв. Сама литературная форма их была подсказана совершившимися в то время путешествиями и открытиями стран и народов, неизвестных до этого европейцам. Вероятно, однако, что не одна только форма, а в какой-то мере и их содержание, сами конструкции идеальных обществ создавались под влиянием рассказов о первобытных племенах. Как будто ни Мор, ни Кампанелла, ни другие менее известные, современные им авторы утопий непосредственно к подобным фактам не обращались. Но сами характеристики некоторых основных черт утопических обществ, таких, как общность имущества, организация общего производства, распределения и потребления, отношения полов и коллективное воспитание детей, — все это не могло быть подсказано только логическим развитием мысли или воображением. Недостаточно было для этого и имевшегося в наличии фактического материала, почерпнутого у античных народов, или в Библии, или в прошлом самих европейских народов. Нельзя было вывести такие теории и из требований плебейских масс, выдвигавшихся в ходе восстаний и революций того времени. Как правило, эти требования сводились к восстановлению справедливости и возвращению захваченных феодалами земель или, самое большее, к уравниванию имуществ. Заметим, однако, что наши предположения нуждаются в тщательном исследовании и доказательстве.

Вернемся теперь к французским просветителям, к их интерпретациям понятия «естественное состояние». Монтескье ограничился лишь признанием такого состояния. При этом он во всех своих построениях исходил из отдельного индивида гражданского общества, который является носителем естественной справедливости, существующей еще до возникновения общества. В его схеме пространственного разветвления всеобщей закономерности, конкретные варианты которой он связывал почти исключительно с различием природных географических условий, отсутствует идея развития общества. Монтескье не пытался раскрыть содержание «естественного состояния» и не объяснял, каким образом современный человек становится носителем «естественного закона» и тем самым — предпосылкой существования самого общества. Такое объяснение потре-

бовало бы более глубокого анализа противоречий французского общества середины XVIII в., чем мы находим у Монтескье.

Этот анализ осуществил Руссо, поставивший вопрос о происхождении неравенства в современном ему обществе. «Естественное состояние» в выдвинутой Руссо гипотезе является исходным пунктом. Он четко определил его как состояние, в котором не возникало никаких объединений людей, даже семьи. Дикарь был одиночкой. Природа не создала никаких форм связи и общения между людьми, даже языка. При этом дикарь был «добр» или «благороден». Помимо чувства самосохранения, он был наделен также и чувством сострадания. Это «естественное состояние» могло продолжаться бесконечно долго, никаких внутренних движущих сил развития гипотеза Руссо не предусматривает. Лишь внешние причины, такие, как голод, наступающий вследствие перенаселения и истощения охотничьих угодий, заставляет людей вступить в контакты друг с другом и перейти к земледелию. С этого момента наступает особая, заключительная стадия «естественного состояния», которая является самой счастливой порой в жизни людей³⁵. Появление земельной собственности, которое Руссо также изображал как волевой акт одиночек³⁶, кладет конец безмятежному «естественному состоянию». Оно завершается соглашением, общественным договором между людьми, в результате которого возникают одновременно и государство, и общество.

Создание общества и государства являлось, таким образом, в соответствии с рационалистической гипотезой Руссо сознательным единовременным действием людей. Цель, которую они при этом преследовали, — охрана прав и имущества каждого члена сложившейся ассоциации. Картина прямо противоположная действительному процессу возникновения государства в истории. При рассмотрении сложившегося гражданского общества Руссо по-прежнему исходил из одиночки — индивида, но теперь уже из индивида — носителя «естественного закона», являющегося предпосылкой существования самого общества. «Естественный закон» индивид не мог унаследовать от дикаря-одиночки, не обладавшего этим качеством: он не мог обрести его в гражданском обществе, поскольку здесь имело место лишь единовременное ограничение воли отдельных индивидов, но не процесс формирования. К тому же возникшее государство лишь при хорошем правлении обеспечивает равенство членов общества, а «при дурных правлениях» (Маркс в своих выписках специально обращает внимание на нижеследующее замечание Руссо) общественное соглашение «служит лишь для того, чтобы бедняка удерживать в его нищете, а за богачом сохранять все то, что он присвоил»³⁷.

Итак, Руссо, не сумел раскрыть историческое происхождение

неравенства между людьми. «Естественное состояние» и «гражданское общество» у него лишь следуют одно за другим. Дикарь-одиночка и изолированный индивид «гражданского общества» также лишь сменяют друг друга. «Естественное состояние», в котором, очевидно, заключена загадка истории, оказывается внеисторической дообщественной стадией существования человека. «Гражданское общество» и государство, созданные для сохранения равенства, сами оказываются источником неравенства. Новое уравнение имущества было для Руссо средством восстановления справедливого общественного строя и, в сущности, самоцелью.

Недостаток историзма в концепции Руссо был очевиден и для современников, критиковавших его преимущественно под этим углом зрения. Вольтер, например, подвергал сомнению само существование дикаря-одиночки и неподвижного «естественного состояния», поскольку такое явление было бы нарушением естественного закона прогресса, присущего природе. Он указывал также, что исторически государство возникло вовсе не из соглашения, а опираясь на силу. Вольтер был прав, обращаясь к фактам исторической действительности, но эти факты он интерпретировал в отличие от Руссо уже с чисто буржуазной точки зрения. Критикуя выдвинутую Руссо теорию происхождения собственности, Вольтер не останавливался на ее недостатках, а просто выступал в защиту неограниченной буржуазной собственности. И равенство он в отличие от Руссо толковал не как равенство имущества, а лишь как формальное равенство перед законом.

Реализм Вольтера, ограниченный рамками буржуазного мировоззрения, привел его в итоге к менее перспективным с точки зрения развития науки выводам в отношении первобытной истории, чем концепция Руссо. Последний, по крайней мере, поставил проблему особой стадии в развитии человечества, Вольтер, отрицая такую стадию, модернизировал древнейшую историю в буржуазном духе. Ему и племенные организации американских индейцев представлялись республиками. Вольтер считал невозможным существование общества как такового без эксплуатации человека человеком.

Вольтер был не единственным критиком концепции «естественного состояния» Руссо. Еще более резко критиковал ее Гольбах. Он противопоставлял этой концепции верный тезис об общественной природе человека. Он правильно возражал также против идеализации «естественного состояния» как Золотого века изобилия, доставляемого природой. Но вместо руссоистской идиллии Гольбах рисовал обратную картину первобытной эпохи — как состояние дикой свирепости, жестокости, нищеты, безрассудства. Словом, «естественное состояние», по Гольбаху, — это даже не дообщественная, а антиобщественная стадия в развитии человечества.

Близкой к Гольбаху точки зрения на «естественное состояние» придерживался и другой видный философ — Гельвеций. Но в его подходе к проблеме имелись некоторые положительные моменты. Возникновение государства он рассматривал как процесс, а не как единовременный акт. Он связывал этот процесс с экономическими

³⁵ Очевидно, именно к этой стадии относятся идиллические описания первобытности — «прекрасного побережья, украшенного... одной только природой» (Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 23).

³⁶ Там же, с. 72.

³⁷ Выписки К. Маркса из «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо см.: Там же, с. 474.

нуждами, со становлением производства. Но в целом Гельвеций примыкает к тем мыслителям, которые в оценке концепции «естественного состояния» сделали шаг назад по сравнению с Руссо. Это не было случайностью. Раскрыть положительное содержание «естественного состояния» можно было, только выйдя за пределы буржуазного мирозерцания. Этого барьера критики Руссо справа не пресодзели. Отбросив идею «естественного состояния», они свели действие «естественных законов» к общественным отношениям «гражданского общества», т. е. современного им общества, уже в достаточной мере пронизанного буржуазными отношениями. С их точки зрения, достаточно было устранить «плохое управление», иначе говоря, поставить у власти буржуазию, чтобы «естественные законы» получили полный простор. Этот буржуазный идеал будущего определял, очевидно, также и характер рассмотренных выше представлений о первобытном обществе.

Философы, которые видели в «естественном состоянии» определенный общественный строй, как правило, разделяли коммунистические идеалы. Напомним в этой связи вкратце взгляды некоторых мыслителей Просвещения, придерживаясь при этом не хронологического порядка, а логики развития самих представлений о первобытном коммунизме.

Самой выдающейся фигурой среди них был Дени Дидро. Он полагал, что общество постепенно развилось из первоначальной природной общности людей. Большое значение в становлении общества придавал Дидро развитию производства у древних людей, в особенности появлению земледелия. Дидро рассматривал первобытное общество как начальную стадию всемирной истории, основывая свою концепцию на этнографическом материале. «Таитяне,— писал Дидро в одном из своих сочинений,— находятся в начале мира, а европейцы у конца его»³⁸. Описание образа жизни таитян не оставляет сомнений в коммунистическом характере их общества. «Слово „собственность“ имело там очень ограниченный смысл»; «Работы и жатва производились там сообща»; «Весь остров представляет как бы одну многочисленную семью...». Наконец, следует общая оценка: «Таитяне... ближе к хорошему законодательству, чем любой цивилизованный народ»³⁹.

Дидро приводил также примеры аналогично организованных обществ, но стоящих на более высокой ступени развития. При этом он считал, что перуанское общество уже вышло из «естественного состояния», сохранив общность имуществ⁴⁰. Однако, как известно, Дидро не мыслил будущее общество как основанное на коммунисти-

ческих началах. Он объяснял это невозможностью возвращения к уже пройденной стадии развития.

Между тем именно из стремления вернуться к таким общественным порядкам исходил в своем «Кодексе природы» автор первой коммунистической утопии Морелли. Он также опирался на американский этнографический материал, сопоставляя его с данными античных авторов о скифах⁴¹. Свои выводы о социальном строе древнейших обществ он сформулировал предельно четко, указывая на «землю и общее пользование ее плодами» и на «необходимость общего труда»⁴². Этим основам созданного самой природой естественного права Морелли предлагал следовать и при создании «разумного» общества будущего. Свой проект основного законодательства, помещенный в четвертой части книги, он начал статьей, запрещающей всякую частную собственность⁴³.

Среди теоретиков предреволюционного периода особое место занимает Мабли. Придерживаясь в политике буржуазно-демократических взглядов, он в то же время был самым последовательным критиком буржуазных концепций собственности. Разумным и естественным он считал не тот порядок, к которому стремилась революционная буржуазия (хотя и считал его наступление неизбежным), а тот, который существовал в древности, до раздела общей земельной собственности. Изображение коммунистических порядков в древних обществах⁴⁴ он дополнил рядом важных характеристик, в частности указанием на стихийный неосознанный характер древнего коммунизма, который стал причиной его разрушения.

Дидро, Морелли, Мабли и другим мыслителям частично удалось преодолеть разрыв между «естественным состоянием» и «гражданским обществом», имеющийся в концепции Руссо. Они подошли к проблеме исторически, рассматривая «естественное состояние» как начальный период всемирной истории. Они показали, что привлекательность «естественного состояния» заключалась не в природном изобилии, а в справедливой социальной организации, основанной на общей собственности, в равном участии людей в трудовой деятельности и в равном распределении продукта. Они обратили также внимание на двойственный характер прогресса, а точнее, на его темную сторону. Хотя эти мыслители, за исключением Морелли, не считали возможным возвращение к «естественному состоянию» в смысле восстановления полного соответствия между естественным законом и гражданским законодательством, они выступали с критикой не только существующих порядков, но и будущего «разумного» общества буржуазных идеологов. Избранное этой группой теоретиков направление объективно соответствовало интересам пролетариатулирующих слоев трудящихся.

Историческим подтверждением правильности этого направления явился «заговор равных». Ведь именно Руссо, Дидро, Мабли назы-

³⁸ Дидро Д. Собр. соч. М.; Л., 1935, т. II, с. 41.

³⁹ Там же, с. 73—75.

⁴⁰ Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в., с. 111—112. Маркс писал о Перу: «Общинное производство и общая собственность в той форме, в какой их находят, например, в Перу, являются, очевидно, производной формой, занесенной и введенной племенами-завоевателями, знавшими у себя на родине общую собственность и общинное производство в их древней более простой форме...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 479).

⁴¹ Morelly. Op. cit., p. 68.

⁴² Ibid., p. 44.

⁴³ Ibid., p. 127.

⁴⁴ Мабли Г. Избр. произведения. М.; Л., 1950, с. 93, 120, 121.

вал своими учителями Бабёф⁴⁵. Разумеется, их теории еще не могли служить надежным руководством в практической деятельности революционных пролетариев. Методологический порок их теорий, заключавшийся в разделении и противопоставлении природы и общества, отражался и на их концепции первобытного общества. Он мог быть преодолен лишь диалектическим подходом к общественным процессам как процессам «естественноисторическим»⁴⁶. Но все же эти теории в общей форме раскрывали сущность доклассового общества, их представления о первобытном коммунизме выдержали испытание временем.

Дальнейшее развитие теории первобытного общества началось лишь в 40-е годы XIX в. вместе с успехами конкретных наук в этой области. Великие утописты XIX в., непосредственные предшественники марксизма, значительно меньше внимания уделяли проблеме первобытного коммунизма. Только Ш. Фурье обобщил в своей периодизации всемирной истории данные о первобытности, унаследованные от века Просвещения, что явилось существенным шагом в области теории. Фурье подчеркивал при этом, что «хозяйственный порядок цивилизации» представлял собой «некое ниспровержение естественного порядка». Он отмечал «легкомыслие цивилизованных наций, которые забыли... о земледельческой ассоциации и притяжении по страсти», и пришел к выводу, что еще в древние времена предание об этом периоде было извращено с согласия вождей, дабы меньше чувствовалось наступившее ухудшение⁴⁷. Высказывания Фурье впоследствии широко использовал Энгельс в своих исследованиях по первобытной истории.

Приведенный краткий обзор развития взглядов на первобытное общество в эпоху Просвещения позволяет определить время появления понятия «первобытный коммунизм». «Кодекс природы» Морелли, вышедший в 1755 г., был первым произведением, где в достаточно четкой и вместе с тем обобщенной форме дана характеристика общества, соответствующая первобытному коммунизму. Итак, больше ста лет отделяют возникновение понятия от появления самого термина «первобытный коммунизм» в 1858 г.

Следует, однако, обратить внимание еще на одно обстоятельство. Понятие «первобытный коммунизм», представляющее собой в известной мере конкретизацию такой абстракции, как «естественное состояние», появилось одновременно с интерпретацией этой абстракции Руссо, опубликованной также в 1755 г. Но, как уже было сказано выше, мы попытались показать именно логику, а не хронологию идейной борьбы в век Просвещения.

⁴⁵ Бабёф не мог, конечно, назвать и Морелли, произведения которого приписывали Дидро.

⁴⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 10.

⁴⁷ Фурье Ш. Избр. соч. М.; Л., 1951, т. 1, с. 86, 90, 151. Относительно подробную характеристику первобытного состояния в стиле Руссо дал В. Вейтлинг. Вместе с тем он выделил удовлетворение потребностей и развитие способностей каждого как основу гармоничного состояния общества в прошлом и условия его восстановления в будущем. См.: Вейтлинг В. Гарантии гармонии и свободы. М.; Л., 1952, с. 10—76.

Представления и понятия, сложившиеся тогда, все еще владели умами и в 40-е годы следующего столетия, когда Маркс и Энгельс начинали свой творческий путь. В это время первобытная история не являлась еще предметом их специальных исследований, но она тесно соприкасалась с общими проблемами, которые приходилось решать. В дальнейшем развитие марксизма и его распространение в рабочем движении потребовали от Маркса и Энгельса более систематического подхода к изучению вопросов истории первобытного общества, которым они посвятили специальные труды. Развитие категории «первобытный коммунизм» было, естественно, одной из сторон этих исследований, наиболее существенные результаты которых мы и попытаемся охарактеризовать.

В период формирования марксизма, до 1848 г., Маркс и Энгельс уделяли особое внимание выяснению взаимодействия природы и общества. Вывод, к которому они пришли в связи с этим, был прямо противоположен взглядам мыслителей эпохи Просвещения. «...*Вся так называемая всемирная история*, — писал Маркс, — есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека»⁴⁸. Этот важный момент активного воздействия людей на природу вообще ускользал от материалистов XVIII в.

В тех же «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс, исследуя процесс отчуждения труда и его последствия, формулирует еще более важные выводы: «*Коммунизм как положительное упразднение частной собственности — этого самоотчуждения человека*» — есть «возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. человеческому». Коммунизм дает «действительное разрешение противоречия между человеком и природой»⁴⁹. Из этих тезисов можно понять, казалось бы, что Маркс и первоначальную стадию развития человечества считает коммунистической. Но такое толкование было бы неверным. Речь здесь идет лишь о современном Марксу развитию коммунизма. Об этом свидетельствует критика Маркса авторов, которые ищут исторического доказательства «коммунизма» «в отдельных противостоящих частной собственности исторических образованиях»⁵⁰.

Об этом же свидетельствует, и гораздо более определенно, содержание «Немецкой идеологии». Выделяя племенной строй и племенную форму собственности как первобытную стадию истории, Маркс и Энгельс отнюдь не характеризуют ее как первобытный коммунизм. Хотя форма собственности и является общей, здесь существуют уже и обособленное хозяйство, и рабство в семье, и другие признаки разложения первобытного общества. Очевидно, исторические сведения, которыми располагали Маркс и Энгельс, относились к позднему этапу первобытной истории. Этим объясняется также и то обстоятельство, что в первоначальном тексте «Манифеста Ком-

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 126.

⁴⁹ Там же, с. 116.

⁵⁰ Там же.

мунистической партии» вся история характеризуется как история классово-борьбы»⁵¹.

Таким образом, до 1848 г. Маркс и Энгельс уже выделяли первобытную историю как самостоятельный этап всемирной истории, но не отождествляли ее с первобытным коммунизмом.

Следующий период развития марксизма охватывает время от революции 1848 г. до Парижской коммуны 1871 г. Именно в этот период, начиная с 1853 г., Маркс и Энгельс уделяют много внимания изучению земледельческих общин Индии, России и ряда других стран. Маркс, как уже было отмечено выше, в 1858 г. приходит к выводу о первобытно-коммунистическом характере этого института⁵². Но когда спустя несколько месяцев Маркс в Предисловии к работе «К критике политической экономии» охарактеризовал основные экономические общественные формации в их исторической последовательности, он не включил в этот перечень первобытный коммунизм. В качестве первой стадии он назвал тогда азиатский способ производства, основу которого составляла система изолированных друг от друга земледельческих общин⁵³. Самы эти общины Маркс и позднее характеризовал как первобытно-коммунистические⁵⁴.

У Маркса, однако, все еще оставались, видимо, сомнения в универсальности этого института, поскольку немецкая романтическая историография совершенно искажала подлинную историю германских общин. Но после ознакомления с фундаментальными трудами Г. Маурера Маркс окончательно убеждается в правильности своей точки зрения о том, что коллективные формы собственности «повсюду в Европе были первоначальными формами»⁵⁵.

В письме к Энгельсу 25 марта 1868 г. Маркс высказывает исключительно интересное замечание, свидетельствующее, в частности, о том, какое важное значение придавал он исследованиям о первобытном коммунизме для социалистической теории. «Первая реакция на французскую революцию и связанное с ней Просвещение,— писал Маркс,— естественно, состояла в том, чтобы видеть все в средневековом, романтическом свете... Вторая же реакция,— и она соответствует социалистическому направлению, хотя эти ученые и не подозревают о своей связи с ним,— заключается в том, чтобы заглянуть за пределы средневековья в первобытную эпоху каждого народа. И тут-то они, к своему изумлению, в самом древнем находят самое новое, вплоть до поборников равенства, идущих так далеко, что это привело бы в ужас самого Прудона»⁵⁶.

Итак, между 1858 и 1868 гг. в марксизме появляются и термин, и понятие «первобытный коммунизм», приобретающие категориальное значение.

Этим, однако, развитие данной категории не исчерпывается. Осталось еще неясным, что представлял собой тот естественно сложившийся коллектив, который являлся носителем коммунистических отношений в древности. Эта проблема была решена после открытия Л. Г. Морганом родового строя. Опираясь на это открытие, Маркс и Энгельс в третий период развития марксизма (после 1871 г.) дают ряд широких обобщений первобытной истории, самым важным из которых был труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Не характеризуя здесь сколько-нибудь подробно содержание этих работ, подчеркнем лишь тесную связь между исследованиями в области первобытной истории и общим развитием марксистской теории. Эта связь обнаруживается во многих выступлениях Маркса и Энгельса в этот период, имевших не только теоретическое, но и практическое значение. Таким было, например, совместное предисловие Маркса и Энгельса ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» в 1882 г., где ставился вопрос о возможности перехода русской общины, уже сильно разрушенной формы «первобытного общего владения землей — непосредственно... в высшую, коммунистическую форму общего владения»⁵⁷.

Итак, Маркс и Энгельс прямо указывали на связь между первобытным коммунизмом и коммунизмом будущим, определяя соотношение первоначальной и высшей форм.

Не следует, однако, упрощенно толковать это высказывание. В специальном исследовании, предпринятом в связи с проблемой русской общины, Маркс показал, насколько еще плохо изучена проблема первобытной общины. Здесь он впервые ввел понятие архаической, или первичной, формации, состоящей «из целого ряда напластований различных периодов»⁵⁸, отнеся русскую общину к самому последнему периоду этой формации. Тем самым Маркс поставил вопрос о времени возникновения и развития также и первобытного коммунизма — вопрос, который еще предстоит разрешить.

⁵¹ См.: Там же, т. 4, с. 424. Примеч. Энгельса.

⁵² См.: Там же, т. 46, ч. II, с. 394.

⁵³ См.: Там же, т. 13, с. 7. Об этой проблеме см.: Тер-Акопян Н. Б. Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине.— В кн.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1973.

⁵⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 399; т. 26, ч. III, с. 439.

⁵⁵ Там же, т. 32, с. 36.

⁵⁶ Там же, с. 44.

⁵⁷ Там же, т. 19, с. 305.

⁵⁸ Там же, с. 413.